

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ МИСТИЧЕСКОГО ОПЫТА

Статья посвящена анализу подходов к интерпретации причин возникновения мистического опыта. Показана современная ситуация в изучении данного феномена с позиций социальной философии. Сделан вывод о том, что «мистический опыт» находится на уровне ощущений, то есть первичного фрагментарного схватывания объективной действительности.

Постановка проблемы. Изучение феномена мистицизма затрагивает целый комплекс разных аспектов (гносеологических, историко-культурных, психологических, социальных и медицинских). Исследованием данного феномена занимались специалисты различных областей знания. В истории философии проблематика мистицизма получила свое обоснование преимущественно в рамках идеалистической философии и рассматривалась, как правило, в контексте обсуждения природы творчества, интуиции (интеллектуальной, мистической), любви, состояний озарения (спиритуализм, феноменология, герменевтика и т.п.). С материалистических позиций феномен мистицизма рассматривался в советской философской науке. Советские ученые не считали «мистический опыт» следствием воздействия на человека неких объективно существующих сверхъестественных и еще непознанных сил, рассматривая его как вид иррационального познания, противопоставленного объективному, рациональному.

Актуальность. На рубеже XX – XXI столетий в связи с научно-техническим прогрессом, глобализацией, открывшимся многообразием религиозных и культурных традиций происходит пересмотр духовных ценностей. На первый план выходит индивидуальное понимание сакрального, религиозного. Особое место в этом занимает мистическое мировосприятие. В современном рациональном и прагматическом мире интерес к мистике растет и углубляется. В последнее время получают распространение как модернизированные, так и традиционные (доступные ранее ограниченному кругу лиц, а сегодня открытые практически каждому желающему) формы религиозного мистицизма. В наши дни характер социальных отношений и в частности индустрия развлечений и средств массовой информации ориентируют человека на экстравертный способ существования. Вместе с тем получают широкое распространение мистические практики, которые нацеливают личность на интровертный способ бытийности. Перечисленные взаимоисключающие тенденции актуализируют практическую значимость совершенствования методологии исследования мистицизма.

Анализ последних исследований. В рамках теории познания мистицизм рассматривается в работах Л.Н. Немировского, С.С. Аверинцева, Э. Андерхилл, У. Джеймса, Б. Рассела, И.Ф. Соколовского; с психологической стороны – Л.Л. Васильева, С. Грофа, А. Маслоу, В.В. Козлова. Описанию конкретных мистических практик в рамках различных традиций посвящены исследования Н.Э. Алескеровой, П. Бессермана, Г.П. Волгиревой, Э. Кей, С. Мохана, С.В. Пахомова, А.А. Хисматуллина, Г. Шолема, К. Эрнста, Э. Профет, Э. Вандерхилл и других.

Целью данной статьи является определение гносеологических детерминант возникновения мистического опыта.

Процесс познания человеком объективной действительности представляет собой сложный комплекс чувственных ступеней отражения сознанием действительности, вклю-

чающий в себя ощущение, восприятие, представление и абстрактное, рациональное мышление. Познание человеком действительности не является однонаправленным, всегда параллельно друг другу существовали формы адекватного, с точки зрения материализма, отражения сознанием действительности, подтверждаемые в ходе человеческой практики, и неадекватные (ложные, иллюзорные) формы отражения объективного мира.

Так, одним из гносеологических истоков феномена мистицизма является неадекватное действительности понимание ощущений на чувственной ступени познания. На этом уровне отражения действительности в сознании человека возникают различные ощущения, причина которых – воздействие на органы чувств отдельных свойств предметов и явлений материального мира. Представители религий причину этих ощущений ищут за пределами естественного мира. Естественной причиной появления этих ощущений («мистического опыта») выступают психотехники – конкретные методы воздействия на органы чувств, которые погружают человека в нестандартные и неестественные для него условия существования. Возникающие в этом процессе ощущения являются достаточно необычными с позиций обычного, бодрствующего сознания человека. Поэтому они могут пониматься мистиками как «дар Божий», свидетельство избранности и спасения.

Важным условием при объяснении таких ощущений является существование религиозных представлений. Без наличия обобщенных, чувственно-наглядных образов явлений внешнего мира, правда, в религиозной форме, не были бы возможны сами представления о «мистическом опыте».

Вопрос о том, что первично: «мистический опыт» или религиозные представления – до конца не решен. Тем не менее, в материалистической науке утверждается, что после появления религии религиозные представления играют определяющую роль при возникновении «мистического опыта».

Так, украинский ученый В.В. Павлюк писал: «Если же решать проблему соотношения интеллектуального и эмоционального компонентов в религиозном сознании уже после того, как религия возникла, то следует признать, что эмоциональному компоненту, безусловно, предшествует восприятие религиозных представлений о сверхъестественном, следствием которого выступает религиозная ориентация чувств» [1, с. 42]. В процессе усвоения религиозных представлений, верующий начинает оценивать все события действительности как подтверждение своих религиозных взглядов. В наиболее радикальных формах, для наилучшего понимания религиозных представлений (большого приближения к Богу), он удаляется из мира, ради Бога может терпеть массу лишений и трудностей, его мышление полностью обращено на усвоение только религиозных образов. При таком напряженном эмоционально-интеллектуальном усвоении религиозных образов, а также при воздействии объективных факторов, включавших и психотехники, на ощущения верующего накладываются религиозные представления. Это и порождает неадекватное действительности понимание ощущений. Верующий может созерцать Бога, беседовать с различными духовными существами (ангелами, джинами и т.д.), а иногда возникают ощущения полного слияния и отождествления себя с Ним, что может привести к нарушению нормального психического состояния.

Так Тереза Авильская свидетельствует: «...размышляя над Страстями, я начинала плакать и не могла остановиться, пока не трещала от боли голова. Когда я думала о своих грехах, бывало то же самое. Это большая милость Божия...» [2, с. 39]. Другой католический мистик, основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола отмечал, что «из-за обилия слез, сопровождавших каждый день его молитву, его беседы с тремя Божественными Лицами, он стал опасаться потерять зрение» [3, с. 31]. Антонио Сикари в своей книге «Портреты святых» писал о том, что Луиджи Гонзага настолько болезненно усвоил религиозные представления христианства о греховности человека, что от этого мог терять

чувства: «На совести его – пишет Сикари – было разве что несколько детских шалостей, но рассказывают, что он «лишился чувств при мысли о том, что стало бы с ним, если бы он продолжал вести себя, как в первые годы свои» [3, с. 79]. Эти примеры прекрасно иллюстрируют, насколько действенным может быть эмоционально-интеллектуальное напряжение и к каким последствиям оно может привести.

Такое отношение к идее Бога, а также комплекс психотехник программируют человека на принятие любых возникающих ощущений в религиозной форме. Также необходимо учитывать, что жизнь многих мистиков – исламских суфиев, православных иноков, католических монахов, а также многих других верующих – затворников, столпников, молчальников и т.д., проходит в очень неблагоприятных и экстремальных для обычного человека условиях, что уже само по себе предполагает приспособление организма и активирует защитные механизмы в нём. Одним из таких механизмов психики являются возникающие в определенные моменты ощущения покоя, благодати, радости.

Уже знаменитый немецкий философ Г.В. Лейбниц в одном из главных своих произведений «Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла» отмечал, что аскетические победы над плотью человека могут порождать в сознании мистика удовлетворение: «...следует отметить, что огорчения и муки, сопровождающие победы над страстями, у некоторых превращаются в удовольствие из-за большой радости, которую они находят в живом чувстве силы своего духа и Божией благодати. Аскеты и истинные мистики подтверждают это на опыте, и даже истинный философ может сказать об этом кое-что. Это счастливое состояние достижимо, и именно оно служит одним из главнейших средств, которым душа может пользоваться для укрепления своего господства» [4, с. 348].

Естественные ощущения, которые могут возникать у каждого человека при необычных методах воздействия на организм, под влиянием религиозных представлений начинают пониматься верующими как акт познания Бога, общение с ним, а соответственно и как «познание» всего мира.

Другим значимым гносеологическим корнем религиозного мистицизма является абстрагирующая способность мышления. Если в ощущении и восприятии фиксируются некоторые отдельные и единичные стороны явлений и предметов, то посредством абстрагирования человек способен выделять существенное и значимое, другими словами, видеть общее и единичное среди разных явлений и предметов окружающего мира.

«Идеальная сторона действительности, – писал русский исследователь атеист А.Д. Сухов, – может быть оторвана от своей материальной основы, абсолютизирована и при этом представлена в качестве сущности, определяющей эту материальную основу. ...Абстрактные понятия, являющиеся отражением действительности, могут быть противопоставлены самой действительности, представлены как самостоятельные существа» [5, с. 89]. Одной из таких абстракций является понятие Бог. Так в гносеологическом плане термин «Бог» является «...совокупностью абстракций, оторванных от окружающей действительности и противопоставленных ей в качестве демиурга» [5, с. 92]. При формировании «мистического опыта» такой абстракции подвергаются определенные ощущения, отчасти – восприятия, которые понимаются верующими как единение с Богом, его созерцание (например, «обожение» в православии, «двекут» – прилепление к Богу в каббалистической традиции).

Другими словами – мистик кратковременно становился Богом (например, некоторые суфийские мистики). Происходит абстрагирование ощущений от их естественной основы – человека, и последующее их понимание как сверхъестественных проявлений. Гипостазирование обычных ощущений привело к уверенности, что таковые и являются наивысшим способом познания. Большую степень уверенности в этом придавал тот факт, что в отличие от интеллектуальных абстракций, «мистический опыт» воплощается в непосредственных ощущениях верующего.

Обращение к истории западного мистицизма (иудаизм, ислам, христианство) в тех его формах, в которых он сохранился и по наше время, наглядно показывает, что мистицизм получает наибольшее распространение в эпоху Средневековья. Это свидетельствует о том, что мистицизм выполнял своего рода компенсирующую функцию, когда знаний о мире еще было недостаточно, а абстрактные теологические формулировки могли не удовлетворять познавательные потребности некоторых людей. Как реакция на недостаточность знаний могли появляться формы религиозного мистицизма, апологеты которого утверждали возможность «абсолютного познания» мира и Бога как его творца, здесь и сейчас. Тереза Авильская, в книге «Внутренний замок» многократно указывала, что познание Бога непосредственно связано и с познанием всего мира и человека: «...Мы никогда не познаем толком себя, если не постараемся познать Бога» [2, с. 15]. В других местах книги Тереза неоднократно сожалеет о том, что многие не способны познать себя, и как призыв к Богу, возвещает: «Испытай же нас, Господи, Тебе ведь ведома вся правда, и дай нам познать самих себя» [2, с. 29]. Цитируемые строки о необходимости познания являются в целом типичными для произведений мистиков разных традиций.

Современные представители ХАБАД-хасидизма наделяют большим теоретико-познавательным значением роль созерцания, которое они считают «самой совершенной формой интеллектуального постижения» [6, с. 147]. Интересна их концепция «расширения» пределов человеческого познания во время прихода Машиаха: «В настоящее время процесс обучения происходит поэтапно: от простого к сложному, от частного к общему, от деталей ко всей картине в целом. В будущем же (во время прихода Машиаха – прим. автора) благодаря созерцанию, способность восприятия знаний людьми резко возрастет, а главное, оно будет качественно иным. Различие между восприятием сейчас и в будущем, согласно хасидизму, подобно различию между восприятием на слух и восприятием зрительным» [6, с. 147]. Другими словами, люди перестанут видеть все многообразие природного мира, человеческих отношений, но будут находиться только в состоянии пассивного созерцания Бога. Отношения между людьми будут строиться только как отношения праведные, угодные Богу и т.п. Это очень напоминает стремление к «золотому веку», царству справедливости, достатка и добра, а самое главное – стремление к таким несбыточным социальным факторам как абсолютная стабильность, устойчивость, предсказуемость и т.д. Таким образом, с точки зрения материалистов истоки этих представлений находятся в социальной действительности.

Но было бы ошибкой утверждать о полном отсутствии воображения в мистических учениях. Религиозные абстракции были невозможны без деятельности воображения, которое положило начало развитию мистицизма тогда, когда человек некритически оценивал свои ощущения, понимая их через призму религиозных представлений. Воображению поставлялся материал для последующей его обработки. Феномены видений, голосов, пророчеств, свидетельства о различных уровнях небес и ада, духи, общение с различными духовными существами – все это, исходя из материалистической позиции, следствия игры воображения. К данным явлениям можно отнести и специфически мистические переживания: единения с Богом, ощущение единства со всем сущим, полное растворение в Боге и т.п.

Советский ученый В.С. Поликарпов, выявляя четыре идеальных типа личности (абсурдист, деятель, творец, мистик), личность мистика обозначил как человека фантазера, живущего не в мире настоящей реальности, но в потустороннем мире грез и фантазий [7, с. 14]. Необходимо отметить, что воображение использует для своих построений материал из окружающего мира. Другими словами, это не просто игра воображения, но каждый из образов и ощущений имеет свою материальную основу. В процессе отражения, абстрагирования и гипостагирования они изменяются, извращаются и превращаются в иллюзорные и воображаемые объекты.

Кроме воображения, при изучении феномена мистицизма большое внимание уделяется вопросу эмоций. «Эмоциональные переживания человека – чувства, настроения, аффекты, – пишет А.Д. Сухов, – являются важным стимулом, побудительной причиной процесса познания. Они направляют процесс познания в определенную сторону и как бы сопровождают его. Как правило, эмоции являются необходимыми спутниками процесса познания, и их роль в этом процессе, в общем и целом оказывается весьма эффективной и положительной. Они делают возможными упорные, длительные и трудные поиски правильных решений и позволяют доводить эти поиски до конца; поэтому эмоции являются неотъемлемым элементом практической деятельности человека» [5, с. 77].

Эмоции играют значимую роль при определении направленности сознания верующих. Это тем более характерно для мистицизма, идеи которого в большинстве случаев могут быть усвоены только эмоционально. Эмоции, существенно влияя на восприятие, мышление, воображение и память, в какой-то степени предопределяют и характер галлюцинаторных образов мистического содержания. В целом в мистицизме перемешано чувство страха, желание благодати и спасения, а также желание выхода, бегства из мира окружающей действительности.

Анализ роли упомянутых выше факторов в процессе формирования феномена мистицизма приводит к вопросу о ценности «мистического опыта» в теоретико-познавательном смысле. Имеет ли таковой какую-либо объективную значимость?

Этот вопрос достаточно подробно рассматривался в атеистической советской науке. Само понятие «опыт» в диалектико-материалистическом понимании, в широком смысле, означает «человеческую практику, имеющую дело с объективной, независимой от человеческого сознания природой и преобразовывающей природу с помощью орудий производства, создаваемых людьми» [8, с. 425]. Опыт «...создается в процессе взаимодействия людей с внешним миром, в процессе практической, в первую очередь материально-производственной деятельности, в которой человек изменяет природу и изменяется сам» [8, с. 424].

С материалистической точки зрения, в теоретико-познавательном смысле «мистический опыт» ничего не содержит. Его оправдание в необычности получаемых ощущений. Д.М. Угринович в отношении возможности употребления словосочетания «мистический опыт» высказал следующее мнение: «С позиций научной психологии, исходящей из диалектико-материалистического понимания “опыта” как компонента познавательной деятельности общественного человека, “мистического опыта” просто не существует» [7, с. 8]. Однако, понимая, что верующие действительно опираются на какие-то объективные и реально присущие людям ощущения и чувства, он же добавил: «“Мистическим опытом” мистики неправильно обозначают эмоционально-психические состояния индивида, которые основаны на вере в непосредственную связь человека со сверхъестественным» [7, с. 8]. Речь может идти о правомерности употребления словосочетания «мистический опыт» лишь в обыденном, субъективно-психологическом смысле. Действительно, для каждого верующего его переживания и ощущения являются одним из значимых факторов, якобы подтверждающих правильность выбранного им пути. В этом субъективно-психологическом контексте под «мистическим опытом» будут пониматься необычные ощущения и переживания, которые могут быть воспроизведены только верующим.

Таким образом, ценность «мистического опыта» в нем самом, возникающие ощущения и являются свидетельством «познания» божественных проявлений или же самой сущности Бога. Другими словами, с позиции мистицизма «мистический опыт» есть «мистический опыт», ощущение есть ощущение, о них нельзя ничего сказать, можно лишь пережить, ощутить и это переживание, ощущение и будет действительным актом «познания». Как заметил советский религиовед И.А. Кривелев, «...последовательно мистическая позиция, без какого бы то ни было участия мышления просто невозможна,

ибо любое понятие, суждение или умозаключение, если они даже относятся к области теологии, построены при помощи логических приемов и никаким другим способом строиться не могут. Отказаться от этих приемов – значит отказаться и от теологии, сведя дело к ничем не объяснимой, не поддающейся комментированию, даже не выражаемой в понятиях и словах вере: верую, мол, и все, а во что верую сказать не могу» [9, с. 150]. Но все же существует огромное количество попыток описания представителями мистцизма того самого Абсолюта, некой трансцендентной реальности. Что же на самом деле является предметом их рефлексии?

Российский психофизиолог, специализирующийся на изучении психических состояний человека в экстремальных условиях, Л.П. Гримак, исследовавший в том числе и проявления «мистического опыта», пришел к следующему заключению: «Не случайно в многословных и выспренних описаниях «озарений» мы не находим каких-либо идей или открытий, реально обогативших человечество. Связано это не с невыразимостью мистического опыта, как думают сами мистики, а с тем, что выражать им просто нечего. Отчеты мистиков содержат информацию не о внешней объективной реальности, а о реальности внутренней, психической, т.е. о пережитых в мистическом трансе состояниях сознания, сквозь призму которых они пытаются осмыслить имевшиеся ранее представления о боге и мире» [10, с. 27-28]. Так биограф Рамакришны свидетельствует: «...ему с большим трудом удавалось внести ясность и порядок в свои собственные мысли. Он хотел бы охватить все разом: Христа и Брахмана, Евангелие и Йогу, все существующие религии – и разум. Рамакришна пришел к этому просто, не умом, а сердцем, он не стремился облечь свое открытие в систему доктрин и правил, он удовлетворялся тем, что намечал путь, показывая пример, давая толчок» [11, с. 78]. Для сравнения интересен тот факт, что животные тоже показывают своим поведением, примером, т.е. без языка, как необходимо действовать. Однако никто пока всерьез не рассматривал эту специфику поведения животных как некое преимущество, высший способ общения и т.д. Аналогичный пример, мы встречаем и в еврейской мистике. На вопрос учеников, почему Ицхак Лурия не напишет книгу, он дал следующий ответ: «Представьте себе, что все моря и океаны станут чернилами, а все небеса – листами бумаги, а все деревья в лесу превратятся в перья – и то не хватит всего этого добра, чтобы изложить мое учение, полученное из бесконечного источника. Как только я собираюсь начать объяснять вам одну из тайн Торы, сразу перехватывает у меня дыхание от огромного потока знания, захлестывающего мои мысли, и я выискиваю маленький канал, по которому смогу провести тоненькую струйку, которой вы сможете утолить жажду. А если бы я вам давал помногу, то вы не получили бы ничего ...» [6, с. 144].

В отношении теоретико-познавательного смысла «мистического опыта» английский философ-марксист Дж. Льюис высказал следующее мнение: «И когда нам говорят, что благодаря откровению мистика становится доступной сама природа конечной реальности, которая выходит за пределы человеческого понимания, это может означать лишь, что она является неуопостижимой, иначе говоря – бессмысленной. Мистик также не может сказать нам, что представляют собой те истины, которые он открыл, и поэтому для нас невозможно увидеть, в какой степени они соответствуют фактам жизни. Поскольку он не в состоянии высказать какие-либо умопостижимые предложения, мы с полным правом можем провозгласить, что он совершенно ничего не сказал нам о реальной действительности» [12, с. 23]. Свою позицию Льюис подтверждает аналогичными выводами Айера: «...дело нисколько не меняется, когда он говорит, что постигает факты, но не в состоянии их выразить. Ведь нам известно, что если бы ему действительно удалось получить какую-либо информацию, то он смог бы также и выразить ее. Тем или иным образом он нашел бы способ указать, как могла быть установлена эмпирически подлинность его открытия. Факт, заключающийся в его неспособности показать, что же он

«знает» или в том, что даже он сам придумывает эмпирический тест для проверки действительности своего «знания», свидетельствует, что его состояние мистической интуиции не является подлинно познавательным состоянием» [12, с. 23-24].

Выводы

«Мистический опыт» не может быть адекватно описан («неописуем», апофатичен), потому что он находится на уровне ощущений, т.е. первичного фрагментарного схватывания объективной действительности. По факту «мистический опыт» сужает возможности человеческого познания, ограничивает его только религиозными представлениями. В целом ученые-материалисты говорят о полной заикленности и фанатической преданности мистиков одной идее, что очевидно не способствует прогрессу и дальнейшему развитию человеческого познания. Сам по себе «мистический опыт» не приносит какого-либо нового «знания». Ведь мистик, еще до получения этого «опыта» имеет начальные религиозные представления, он знает, что Бог есть. Необычные ощущения лишь увеличивают его уверенность в существовании Бога, усиливают эмоции и открывают наибольший простор для воображения при усвоении религиозных представлений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Павлюк В.В. Психология современных верующих и атеистическое воспитание (социально-психологическое исследование) / Павлюк В.В. – Львов : Вища Школа, Издат. при Львовском гос. университете, 1976. – 220 с.
2. Тереза Авильская. Внутренний замок или обители / Тереза Авильская ; [пер. с испанского под ред. Н. Трауберг]. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1992. – 164 с.
3. Сикари А. Портреты святых / Сикари А. ; [пер. с итальянского М. Платоновой]. – Милан, 1991. – Т. 2. – 1991. – 191 с.
4. Лейбниц Г.В. Сочинения : в 4 т. / Лейбниц Г.В. ; [пер. с франц. под ред. Б.Э. Быховского, Г.Г. Майорова, И.С. Нарского]. – М. : Мысль, 1989. – (Серия «Философское наследие»). Т. 4. – 1989. – 554 с.
5. Сухов А.Д. Философские проблемы происхождения религии / Сухов А.Д. – М. : Мысль, 1967. – 287 с.
6. Кей Э. У истоков лурианской каббалы: Цфат XVI век / Кей Э. – Иерусалим : Шамир, 2001. – 215 с.
7. Поликарпов В.С. Наука и мистицизм в 20 веке / Поликарпов В.С. – М. : Мысль, 1990. – 219 с.
8. Краткий философский словарь / [под ред. М. Розенталя, П. Юдина]. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1954. – 703 с.
9. Кривелев И.А. Современное богословие и наука / Кривелев И.А. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1959. – 206 с.
10. Гримак Л.П. Резервы человеческой психики: Введение в психологию активности / Гримак Л.П. – М. : Политиздат, 1987. – 286 с.
11. Роллан Р. Жизнь Рамакришны. Жизнь Вивекананды / Роллан Р. ; [пер. с франц. А. Полляк, Э. Шлосберг]. – Ленинград, 1991. – 320 с.
12. Льюис Дж. Наука, вера и скептицизм / Льюис Дж. ; [пер. с англ. В. Виноградова, В. Леонтьева]. – М. : Прогресс, 1966. – 232 с.

О.О. Білицький

Гносеологічні можливості містичного досвіду

Стаття присвячена аналізу підходів до інтерпретації причин виникнення містичного досвіду. Представлена сучасна ситуація у вивченні даного феномену з позицій соціальної філософії. Робиться висновок про те, що «містичний досвід» знаходиться на рівні відчуттів, тобто первинного фрагментарного схоплення об'єктивної дійсності.

О.О. Bilytskyi

Gnosiological Possibilities of Mystical Experience

The article is devoted to the analysis of approaches to interpretation of reasons for occurrence of mystical experience. The modern situation in studying this phenomenon from social philosophy positions is shown. The conclusion that “mystical experience” is at level of sensation, i.e. primary fragmentary display of objective reality, is drawn.

Стаття надійшла до редакції 06.11.2012.